

Глава 24

Янь Чао какое-то время молча смотрел на него, а затем тихо вздохнул.

В этом вздохе не было раздражения — лишь мягкая, почти покорная уступчивость.

— «Скоро» — это значит... если ты приложишь еще немного усилий, то сможешь заявить свои права перед всеми соперниками.

Сун Бай Сюй несколько раз моргнул, явно намереваясь воспользоваться моментом и выторговать себе преимущество:

— В таком случае, не мог бы учитель Янь выделить для меня самое важное? Чтобы студент знал, в каком направлении ему стараться.

Янь Чао ответил с предельной серьезностью:

— Списывать — это плохо. Пожалуйста, учитесь и прогрессируйте самостоятельно.

«Что ж, ладно».

Ученик Сун не собирался унывать.

— Тогда я буду усердно учиться и делать успехи, чтобы поскорее закончить этот курс и перейти к следующему — «Практике романтических отношений».

Он слегка прищурился, и в его глазах заиграла медовая, искренняя улыбка. В ней сквозила та чистая, почти детская непосредственность человека, который еще не познал горечи разочарований.

— В деле ухаживания я еще могу полагаться на собственные силы, а вот любви мне придется учиться у тебя, брат Янь. Надеюсь, когда придет время, учитель Янь не будет слишком строг и не станет скрывать свои знания.

Янь Чао лишь неопределенно вскинул бровь.

— Возвращайся к себе. До завтра.

По крайней мере, завтра они точно пообедают вместе.

Настроение младшего господина стало еще более солнечным и радостным. Напевая под нос какую-то мелодию, он отправился домой.

— О, закончил миловаться с младшим сокурсником?

Когда Янь Чао наклонился, чтобы сменить обувь, Фу Южун, развалившийся на кресле-мешке с приставкой в руках, не преминул его подколоть.

— Мы не миловались.

Вымыв руки, Янь Чао открыл холодильник, изучая скудные запасы.

— Звезда экрана, на ужин у нас пельмени или танъюань. Выбирай.

— А с чем пельмени?

— С креветками и кукурузой.

— Тогда пельмени. — Фу Южун на мгновение отвлекся от экрана. — Их ведь младший приготовил?

— Да.

— Сколько тебе положить?

— Пятнадцать штук.

Закончив раунд, Фу Южун проскользнул на кухню и привычным жестом уткнулся лбом в плечо друга.

— Янь-Янь... — протянул он капризным голосом.

Янь Чао, собиравшийся долить холодную воду в кастрюлю, замер.

— Веди себя нормально.

В Фу Южуне мгновенно проснулся актер:

— Ты меня больше не...

— Люблю, — перебил его Янь Чао, помешивая пельмени, чтобы те не прилипли ко дну. — Если хочешь излить душу, говори прямо.

— Не зря ты мой лучший друг, всё про меня знаешь. — Фу Южун потерся макушкой о его плечо, щекоча волосами шею Янь Чао. Его голос внезапно стал обиженным: — Меня кое-кто преследует. Ты за меня заступишься?

— Уже заступился, — Янь Чао убавил огонь до минимума и повел плечом, заставляя Фу Южуна отстраниться. — Иначе я бы не пустил тебя на порог. Соус для пельменей сам сделаешь или мне приготовить?

— Хочу, чтобы Янь-Янь сделал.

Когда тарелка с пельменями оказалась на столе, великая звезда Фу снова заныл:

— И тебе даже не интересно, кто именно за мной таскается?

— Это легко угадать. — Янь Чао достал из холодильника две бутылки ледяной колы и одну подтолкнул к другу. Его голос был абсолютно спокоен. — Разве это может быть кто-то другой, кроме твоих сомнительных ухажеров?

Фу Южун поперхнулся.

Янь Чао нанес второй удар, наставительно добавив:

— А-Жун, не надейся, что красивое лицо позволит тебе безнаказанно флиртовать направо и налево. Рано или поздно ты на этом погоришь.

Фу Южун, который уже чувствовал, что почва уходит из-под ног, пробормотал:

— В тишине вкуснее, в тишине... Давайте просто есть.

— Слушай, а почему ты вдруг решил завести кошку? — спросил Фу Южун, когда они после ужина уселись играть в приставку.

Он мельком взглянул на проснувшегося длинношерстного кота-шиншиллу, который терся о колени Янь Чао, подставляя пушистое пузо.

— Она милая. — Но это не заставило «холодного и бесчувственного» молодого господина-директора Яня отложить геймпад, чтобы погладить своего «сына», который уже извивался от желания получить порцию ласки.

Фу Южун вскинул бровь:

— Серьезно?

Янь Чао осторожно взял Сяо Янь Бая за шкурку и пересадил в сторону, стряхивая шерсть с футболки.

— Захотелось и завел.

— Думаешь, я поверю? — усмехнулся Фу.

Обиженный отказом «отца», Сяо Янь Бай жалобно мяукнул, но не сдался. Он с завидным упорством снова забрался под локоть Янь Чао, начал «месить лапками» и всячески демонстрировать свое очарование, пытаясь отвлечь родителя от игры.

Однако тот оставался непреклонен. Тогда малыш немного рассердился, пару раз хлестнул его по лицу пушистым хвостом, развернулся и, спрятав лапки, свернулся на его коленях белым меховым шариком. Замер.

«Котик обиделся, но котик всё равно будет к тебе липнуть».

Фу Южун посмотрел на невозмутимого друга и искренне восхитился:

— Ну и выдержка у тебя. Как рука не поднялась его погладить? Не боишься, что он на тебя окончательно обидится?

Сяо Янь Бай, словно поняв слова Фу Южуна, сердито дернул хвостом, а его белые ушки наострились.

Янь Чао довел своего неуклюжего толстого кролика через последнюю стену, взобрался на холм и пересек финишную черту. Когда на экране вспыхнули конфетти и надпись «WIN», он наконец отложил контроллер и почесал Сяо Янь Бая под подбородком.

Меховой комочек шевельнулся, но продолжал сидеть спиной к хозяину. Однако его горло предательски выдало громкое «мур-мур-мур».

Янь Чао взял кота на руки и легонько сжал его загривок. Голос его звучал ровно:

— Обиделся?

Сяо Янь Бай вытянул розовую лапку и осторожно тронул тыльную сторону ладони «отца», затем поднял мордочку и заглянул Янь Чао в лицо своими огромными голубыми глазами. Он издал долгое, тягучее «мяу» — сладкое, капризное и полное тихой жалобы.

Казалось, он спрашивал: «Я ведь такой милый, как ты мог столько времени меня игнорировать?»

— В следующий раз первым делом обниму тебя. — Янь Чао, не заботься о том, понимает ли его кот, пару раз провел рукой по его спине. — Всё, не сердись.

Фу Южун: «...»

«Разве можно так сухо утешать такое прелестное создание?» — читалось на его лице.

Но Сяо Янь Бай был натурой открытой и обладал на редкость покладистым характером. То ли он понял это скупое извинение, то ли ласки хозяина окончательно растопили его сердце, но он дважды мяукнул в ответ и принялся с упоением тереться мордочкой о ладонь Янь Чао.

В глазах Янь Чао мелькнула тень улыбки. Он приподнял кота и показал его Фу Южуну:

— Видишь? Помирились.

Фу Южун на мгновение лишился дара речи, а потом вздохнул:

— Характер у Сяо Янь Бая просто золотой. Будь это другой кот, он бы тебе уже все руки расцарапал.

Янь Чао бросил на него многозначительный взгляд.

— У тебя был такой опыт? Насколько я помню, ты котов не держишь.

Фу Южун открыл было рот, но тут же его закрыл, поспешно меняя тему:

— Янь-Янь, скажи честно, тебе ведь это нравится? Обычная навязчивость тебя не трогает. Тебе нравится, когда тебя донимают, пока ты не доведешь человека до того, что он превращается в эдакий обиженный комочек, но всё равно не может от тебя отойти.

— С характером, но без настоящей злобы. Сидит, дуется в одиночестве, но стоит его тронуть — и он нехотя отзывается. Пара ласковых слов — и он снова тает, лезет обниматься и

подлизываться. — Фу Южун прищурился, поддразнивая друга: — Это касается и котов, и людей. Я ведь прав?

Если бы система 07 в этот момент не находилась в режиме гибернации, она бы обязательно горячо согласилась с этим выводом.

Янь Чао вскинул бровь, не потрудившись ничего отрицать:

— И что из этого?

— А то, что ты выбрал младшего сокурсника, а не Хо Чэня. — Фу Южун подцепил вилкой клубнику и откусил кусочек. — Тебе больше по душе мягкий и послушный «котенок», чем властный «наследный принц» с его замашками тирана.

— Считаю, что я лезу не в свое дело, но всё же... — Фу Южун вспомнил актерские таланты Сун Бай Сюя и усмехнулся. — У этого мальчишки две маски. Перед тобой он паинька, который только и умеет, что ластиться и строить из себя невинность. Но с теми, кто ему не нравится, он ведет себя совсем иначе.

Он поднес к губам Янь Чао самую крупную и сочную ягоду:

— Открой рот...

Янь Чао съел клубнику и лениво, с набитым ртом, пробормотал:

— Я знаю.

Их взгляды встретились. Заметив в глазах Янь Чао лукавый блеск, Фу Южун всё понял:

— Тебе именно это в нем и нравится, да?

— Значит, я зря беспокоился. — Фу Южун улыбнулся. — Наш Янь-Янь никогда не проигрывал в любовных играх.

— Когда у вас с младшим всё сложится, не забудь пригласить меня на ужин. — Великая звезда Фу потянулся. — Я должен узнать об этом первым, иначе я расплачусь у тебя на глазах.

— Договорились, — согласился Янь Чао и неспешно добавил: — Но прежде, не хочешь ли ты покаяться и рассказать, что у тебя там за дела с тем киноимператором Се?

«Бежал от него так, что аж ко мне спрятался».

Фу Южун издал нервный смешок и начал поспешно ретироваться:

— Ой, уже поздно, пойду-ка я в душ.

Его спина, исчезающая в ванной, буквально кричала о том, что он спасается бегством.

Янь Чао усмехнулся вслед. «Раз так убегает — дело точно нечисто».

Продолжая поглаживать кота, он взял телефон, чтобы просмотреть новости индустрии, как вдруг зазвонил мобильник Фу Южуна, оставленный на столе экраном вниз. Шум воды в ванной на мгновение стих, и донесся голос звезды:

— Янь-Янь, ответь за меня!

Янь Чао перевернул телефон и, увидев имя звонящего, удивленно вскинул бровь.

Фу Южун вышел из душа, вытирая мокрые волосы полотенцем. Янь Чао в это время как раз убирал приставку в ящик стола.

— Я ответил на твой звонок, — сказал он. — Звонил тот самый киноимператор Се.

Фу Южун замер.

«Черт, забыл заблокировать его номер».

Он продолжил небрежно промакивать волосы, стараясь звучать как можно безразличнее:

— И о чем вы говорили?

— Ни о чем особенном. Всего три фразы.

Когда он снял трубку, Се сначала назвал его «А-Рон», на что Янь Чао ответил: «А-Рон в душе, если есть что-то важное — я передам». Тот помолчал несколько секунд, бросил «ничего» и повесил трубку.

Фу Южун горько усмехнулся:

— Так ему и надо... пусть помучается.

«Учитель Се в своем репертуаре: слов из него не вытянешь. Впрочем, теперь это не моя забота».

Заметив, что Фу Южун, едва просушив волосы, схватился за сценарий, Янь Чао не выдержал:

— Сначала высуши голову феном, а потом читай. Иначе к ночи голова разболится.

Сказав это, Янь Чао сам осекся.

«Это определенно влияние маленькой Системы. Точно».

Фу Южун покрутил в руках маркер, подпер щеку рукой и посмотрел на друга сияющими глазами. Он привычно занял вкрадчивым голосом:

— Янь-Янь, высуши мне волосы, а? Ты ведь не хочешь, чтобы у твоего самого-самого лучшего друга болела голова?

— Веди себя прилично... — пробормотал Янь Чао.

Но, несмотря на слова, он поднялся, взял фен, уселся позади Фу Южуна и принялся сушить его шевелюру.

Закончив, великая звезда небрежно взъерошил свои растрепанные локоны, уронил голову на плечо друга и, поглаживая кота, мурлыкнул:

— Янь-Янь, сможешь мне отрепетировать сцену?

Янь Чао, сматывая шнур фена, ответил:

— Скидывай текст.

На следующее утро Янь Чао проводил Фу Южуна в аэропорт. Вернувшись, он зашел к соседу на завтрак, то и дело зевая.

Сун Бай Сюй поставил на стол стакан свежевыжатого кукурузного сока и с беспокойством взглянул на темные круги под глазами Янь Чао:

— Плохо спал ночью?

— Нет. — Янь Чао вытер выступившие от зевоты слезы. Из-за недосыпа голос его звучал немного глухо. — Помогал А-Рону репетировать. Он вошел в кураж, закончили только в два часа ночи.

А потом пришлось вставать ни свет ни заря, чтобы отвезти его в аэропорт. Сна не было ни в одном глазу.

Сун Бай Сюй опустил ресницы. Свежее печенье с яичным желтком и мясной нитью вмиг показалось ему безвкусным.

Янь Чао был слишком добр к Фу Южуну.

Даже зная, что они просто лучшие друзья и между ними никогда не будет ничего, кроме дружбы, Сун Бай Сюй всё равно не мог сдержать ревности.

— Если бы моим соперником был господин Фу, у меня, боюсь, не было бы ни единого шанса, — полушутя, но с долей искренней зависти произнес он. — Кажется, для тебя, брат Янь, выше него по приоритету стоят только члены семьи.

Янь Чао поднял взгляд, и его холодные, как ключевая вода, глаза остановились на лице юноши.

— Не совсем так.

— А-Рон для меня и есть семья.

— Что касается приоритетов... — Янь Чао на мгновение замолчал, глядя на Сун Бай Сюя спокойным взглядом. — В моем понимании нет такого понятия — «приоритетнее» или «нет». Семья и возлюбленный — это разные категории. Разные способы общения, разное отношение. Их нельзя сравнивать.

— Не нужно ревновать к Фу Южуну. — Он сделал глоток теплого сока. — Между нами ничего не будет, тебе не стоит из-за этого переживать.

Сун Бай Сюй прикусил губу. В его взгляде читалось сомнение и нерешительность.

— Говори, что хотел, — сказал Янь Чао, глядя на его почти нетронутый завтрак. — А то аппетит

себе испортишь.

Сун Бай Сюй глубоко вздохнул и, решившись, выпалил:

— Прости, но я, скорее всего, не смогу не переживать.

— Когда дело касается тебя, я становлюсь ужасно мелочным. Твоя чрезмерная доброта к господину Фу, признания моего дядюшки или Хо Чэня, даже малейший намек на близость с кем-то другим... Всё это заставляет меня ревновать до безумия.

Он отложил палочки, выглядя довольно подавленным.

— Ты можешь считать меня скверным и ограниченным человеком, но я не смогу долго притворяться великодушным и безразличным. Я сорвусь.

Он слишком сильно любил человека перед собой, чтобы убедить себя не следить, не ревновать и не принимать всё близко к сердцу.

Даже то, что Фу Южун просто спал, прислонившись к плечу Янь Чао, заставляло его буквально исходить желчью.

— Сун Бай Сюй, — Янь Чао назвал его по полному имени, но тон его смягчился. — Подними голову и посмотри на меня.

Юноша, чьи ресницы мелко дрожали, с волнением посмотрел на него.

В темных глазах напротив исчезла привычная холодность и отстраненность. Взгляд Янь Чао потеплел, в нем проступила редкая, почти неуловимая нежность.

— Я не стану считать тебя скверным из-за этого, — мягко произнес Янь Чао. — Это лишь чрезмерная забота, рожденная симпатией. Твои чувства не доставляют мне беспокойства, в них нет ничего плохого, и они не портят моего впечатления о тебе.

— Я сказал, что не стоит переживать, потому что не хочу, чтобы тебе было больно.

— Но чувства подвластны только тебе, никто не может полностью их контролировать. Если не получается — ничего страшного.

— Просто постарайся не мучить себя так сильно.

— На данном этапе я не могу дать тебе слишком весомых обещаний. — Янь Чао посмотрел на

этого неопытного в любви, слегка растерянного юношу и едва заметно улыбнулся. — Но я постараюсь угощать тебя сладким, а не кислым. Согласен?

Сун Бай Сюй какое-то время смотрел на него заворуженно, и вдруг его глаза подозрительно покраснели.

— Только не плачь, — Янь Чао почувствовал легкую беспомощность. — Что случилось?

— Ничего, — он пару раз моргнул, и его голос приобрел мягкий, капризный оттенок. — Просто подумал... Брат Янь мог бы и не говорить мне всего этого. Но ты всё равно сказал. От этого хочется плакать.

Его любовь и преданность были приняты — бережно и надежно — и получили достойный ответ.

Янь Чао не стал потакать ему только из-за разницы в возрасте или большего опыта, он не стал манипулировать им, пользуясь своим положением «преследуемого». С самого начала он серьезно отвечал на его чувства и направлял их в нужное русло.

— То, что я полюбил тебя и получил ответ... — Сун Бай Сюй улыбнулся, и его голос зазвучал предельно серьезно: — За это стоило прожить жизнь.

Он искренне не понимал, как Сун Янь мог решиться на разрыв с Янь Чао.

Разве можно добровольно отпустить такого человека?

Янь Чао кашлянул:

— Если всё в порядке — доедай завтрак, он уже остыл.

Сун Бай Сюй заметил, как кончики ушей Янь Чао едва заметно покраснели, и мгновенно понял причину внезапной смены темы.

Свиная булочка с бульоном снова показалась ему божественно вкусной. Он украдкой улыбнулся, думая про себя:

«Оказывается, брат Янь не выносит прямых атак? Столько опыта за плечами, а всё еще смущается от простого признания?»

«Какое очаровательное противоречие».

«Просто прелесть».

«Кажется, я люблю его еще сильнее».

Продолжая завтракать в тишине, Сун Бай Сюй внезапно позвал его:

— А-Янь.

— Я буду стараться еще сильнее. Буду ухаживать за тобой еще преданнее. — Он пристально посмотрел Янь Чао в глаза. — Потому что сразу после твоих слов мне ужасно захотелось тебя поцеловать.

— ...О, — совершенно спокойно отозвался Янь Чао. — Ну, удачи тебе.

После завтрака, когда Сун Бай Сюй заварил чай и вернулся в гостиную, он обнаружил на журнальном столике подарочную коробку.

Он взглянул на Янь Чао, который, прислонившись к спинке дивана, листал журнал, и вздохнул:

— Брат Янь, зачем ты снова даришь мне подарки? Это ведь я за тобой ухаживаю.

Янь Чао перевернул страницу.

— Нет такого правила, которое запрещало бы принимать знаки внимания в ответ.

Ухаживание — это лишь способ выразить симпатию. В сущности, они были равны. Янь Чао не считал, что ответный подарок как-то принижает его достоинство.

Система 07 не совсем понимала происходящее: [Янь-Янь, а ты не боишься, что младший сокурсник поймет это неправильно?]

«Неправильно — это как?» — Янь Чао был озадачен. «Поймет как ответную симпатию? Но ведь Сун Бай Сюй мне и впрямь не противен».

«Не противен = есть симпатия = немного нравится».

07 автоматически выстроила эмоциональное уравнение и внезапно расчувствовалась: [Тому, кого полюбит наш Янь-Янь, действительно очень повезет. Мне кажется, в чем-то ты очень скрытен, а в чем-то — поразительно искренен и прям. Никаких сомнений и метаний].

Маленькая Система добавила с оттенком пренебрежения: [Некоторые люди просто не умеют ценить то, что имеют. Они недостойны твоей любви].

[А вот младший... он, пожалуй, тянет на проходной балл].

Янь Чао это позабавило: «Мы же не императорских наложниц выбираем, при чем тут — достоин или нет?»

[Ой, да при чем тут наложницы! Наш Янь-Янь просто достоин самого лучшего!]

...Янь Чао заметил, что его друг-система с каждым днем смотрит на него через всё более густые розовые фильтры.

— И что же ты подарил мне на этот раз?

Янь Чао никогда не дарил подарки просто так.

— Подарок на окончание учебы, — Янь Чао сделал глоток цветочного чая. — Посмотри, понравится ли.

В коробке лежала лунно-белая лента для волос. По ней серебряными и нежно-бирюзовыми нитями был вышит узор из вьющихся трав. Дизайн был простым и лаконичным, но в нем чувствовалось благородство старины.

Материал ленты был необычным — прохладным и скользящим на ощупь. Сун Бай Сюй сложил ее в несколько раз, а когда развернул — на ткани не осталось ни единой складки.

Он коснулся своего короткого «хвостика» на затылке. Лента несколько раз обернулась вокруг его указательного пальца и снова соскользнула.

— Вообще-то я собирался на днях подстричься, но теперь передумал.

— Оставлю волосы подлиннее. — Он показал пальцами нужную длину. — С этой лентой будет смотреться просто потрясающе.

«Пусть оставляет, лицо Сун Бай Сюя выдержит любой образ».

Слова о том, что он будет ухаживать «усерднее и серьезнее», не были пустой бравадой. Сун Бай Сюй действительно перешел от слов к делу.

— Молодой господин Янь, ваши цветы.

Се Хэн, неся два огромных букета, постучал в дверь кабинета Янь Чао и подмигнул:

— Кажется, удача на любовном фронте от вас не отворачивается. Какой это по счету букет за месяц?

— Спасибо. — Янь Чао поднялся из-за стола и принял из рук ассистента Се охапку роз сорта «Джувьетта». — Второй букет можешь забрать себе.

Се Хэн взглянул на огненно-красные лилии в своих руках, стоимость которых явно исчислялась четырехзначной цифрой, и усмехнулся:

— Похоже, один из поклонников потерпит сокрушительное поражение.

— Прости, что заставляю тебя постоянно возиться с этими цветами. — Янь Чао качнул телефоном, и его губы тронула едва заметная улыбка. — С меня кофе.

Се Хэн не стал скромничать:

— Тогда не буду отказываться. Пойду, не буду мешать работе.

Янь Чао поставил розы «Джувьетта» в вазу на журнальном столике и достал спрятанную среди цветов открытку.

«Увидишь эти розы — вспомнишь обо мне».

Подпись — размашистая латинская «White».

Слова любви лились из него как из рога изобилия.

Янь Чао вернулся к столу и убрал открытку в самый нижний ящик. Там уже лежало четыре штуки, эта стала пятой.

С того дня Сун Бай Сюй с завидным постоянством, каждые три дня, присылал ему букет. Цветы всегда были разными, но неизменно редкими и дорогими. И в каждом букете обязательно была открытка, написанная его рукой.

Как-то за ужином Янь Чао обмолвился, что не стоит так усердствовать. Можно присылать цветы пореже, да и сорта выбирать попроще.

— Я приму даже самые обычные цветы.

Эти слова заставили Сун Бай Сюя просить еще ярче. Он пододвинул Янь Чао тарелку с супом и с улыбкой отверг предложение:

— Это вовсе не «усердие», а простейшая вежливость. Если не делать даже этого, то о какой искренности в ухаживаниях может идти речь?

— Что касается сортов... — Он вскинул подбородок с видом человека, который абсолютно уверен в своей правоте: — Человек, которого я люблю, достоин всего самого лучшего. Редкие цветы — это лишь малая часть.

К тому же, денег у него было предостаточно.

— А частота... Свежие цветы стоят от трех до пяти дней. Раз в три дня — идеальный срок, чтобы букет всегда был свежим. Глядя на живые цветы, и настроение становится лучше.

Вообще-то он хотел присылать их каждые два дня.

Что ж.

Янь Чао не стал больше спорить и прихлебнул наваристый куриный бульон. Теплый и ароматный, он приятно согрел желудок. Вспомнив сегодняшний букет эустом, он заметил:

— Композиция была составлена очень со вкусом. Ты нанимал флориста?

— Каждый букет я собираю сам. В университете я ходил на факультатив «Искусство оформления и упаковки цветов». — Взгляд Сун Бай Сюя скользнул по его губам, покрасневшимся от горячего супа, и тут же вернулся к тарелке. — Тебе нравится, брат Янь?

— Нравится, — кивнул Янь Чао. — У тебя золотые руки.

Сун Бай Сюй с достоинством принял похвалу:

— Всё-таки я человек искусства, кое-что умею.

На самом деле Сун Бай Сюй не договаривал. Все цветы, которые он присылал Янь Чао, доставлялись самолетом с его собственной цветочной базы. От выбора каждого стебля до составления композиции и упаковки — всё он делал сам, не доверяя этот процесс никому другому.

Во время обеденного перерыва, получив согласие Янь Чао, Сун Бай Сюй позвонил ему по видеосвязи. Когда соединение установилось, он на мгновение замер.

— Янь...

Янь Чао, убиравший пустой ланч-бокс в пакет, не дождавшись продолжения, спросил:

— Зависло?

— Нет, нет, — засуетился Сун Бай Сюй.

Янь Чао заметил его бегающий взгляд и внезапно покрасневшее лицо. Он вопросительно вскинул бровь:

— О чем ты думаешь?

«О чем я думаю...»

Сун Бай Сюй промолчал и сделал глоток ледяной воды.

Когда Янь Чао долго работал за компьютером, он надевал очки с защитой от синего света. Тонкая оправа цвета оружейной стали, покоившаяся на его безупречно прямой переносице, смягчала привычную холодность черт, придавая его облику черты благородной сдержанности и скрытой страсти.

Когда он небрежно поднимал взгляд, и его светлые глаза останавливались на тебе — без тени кокетства или заигрывания — в горле само собой пересыхало.

Сун Бай Сюю безумно захотелось сорвать с него эти очки, усесться к нему на колени и поцеловать. Захотелось увидеть, как привычная холодность в этом взгляде тает, превращаясь в томную влагу страсти, и еще...

«Всё, хватит. Об этом нельзя даже думать».

— Ну? — поторопил его Янь Чао.

Сун Бай Сюя озарило, и он нашел прекрасный предлог:

— Думаю о том, согласишься ли ты стать моей моделью? Я ведь так и не написал ни одного твоего портрета.

— Почему бы и нет. — Янь Чао поставил телефон на стол и расслабленно откинулся на спинку кресла. С его внешностью он мог не бояться даже самых неудачных ракурсов. Он произнес с иронией: — Ты хочешь, чтобы я позировал тебе обнаженным?

— Кха-кха-кха! — Сун Бай Сюй, который как раз допивал воду, поперхнулся и зашелся в кашле. Лицо его мгновенно стало пунцовым.

Он долго откашливался, прижимая ладонь к груди. Его глаза, влажные от кашля, с надеждой уставились в экран:

— А можно?

— Конечно, нельзя. — Янь Чао снял очки и едва заметно усмехнулся. — Ну так что, студент, о чем это таком «неправильном» ты гредишь?

— Да ни о чем таком. — Сун Бай Сюй решил, что пора переходить в атаку, и нанес ответный удар: — Просто представил, как целую тебя, когда ты в этих очках.

Янь Чао: «...»

Маленькая Система, только что включившаяся, выдала: [Ого! owo]

«Младший сокурсник делает успехи, научился поддразнивать Янь-Яня».

Сун Бай Сюй подпер щеку рукой и уставился в камеру с невинной улыбкой:

— Всего лишь поцелуй. Брат Янь ведь не станет смущаться из-за такой ерунды?

— Не стану, — отрезал Янь Чао. — Как ты и сказал, всего лишь поцелуй.

Он совершенно спокойно перевел тему:

— Ты ведь звонил не только ради этого?

— Чуть не забыл! — Сун Бай Сюй хлопнул в ладоши. — Мой двоюродный брат в конце этого месяца устраивает первый рейс своей частной яхты. Три дня и две ночи, как раз на выходных. Хотел пригласить тебя поехать со мной.

«Двоюродный брат».

Янь Чао задумался:

— Из вашей семьи будет кто-то еще?

— Нет, только я. — Сун Бай Сюй моргнул. — Ты пока не хочешь встречаться с моей семьей? Не переживай, брат будет занят женой и сыном, мы с ними почти не пересечемся.

Дело было не в этом. Янь Чао просто хотел убедиться, что там не будет Сун Яня. Иначе отдых будет испорчен.

«Конец этого месяца...»

Янь Чао прикинул сроки по текущему проекту и кивнул.

— Хорошо.

— Тогда я передам твоё имя организаторам. — Сун Бай Сюй просиял. — Через пару дней тебе пришлют именное приглашение и подарок.

— Не буду больше отвлекать тебя от отдыха. — Он помахал рукой. — Если не задержишься на работе, жду тебя на ужин. Сегодня у нас утка в рассоле и картофель с солью и перцем!

— Спасибо за заботу. — Янь Чао накрылся пледом для дневного сна. Голос его смягчился. — Доброго сна.

— Доброго сна!

Повесив трубку, Янь Чао не уснул сразу. Он закрыл глаза и лениво переговаривался с 07:

— Есть новости по тому багу, о котором ты сообщала?

— Нет. — При упоминании об этом голос Системы стал унылым. — Главный Бог не отвечает на мои сообщения. Похоже, это затянется.

Но 07 была неисправимым оптимистом и быстро сменила тему. Увидев розы «Джульетта» на столике, она восторженно пискнула:

— Опять цветы!

Янь Чао лениво хмыкнул.

— Янь-Янь... — Серебристо-голубой светящийся шарик опустился на его рабочий стол, внимательно изучая его безмятежное лицо. — Ты счастлив в последнее время?

Веки Янь Чао уже отяжелели, но он всё же ответил:

— С тех пор как появилась ты, каждый день стал лучше.

Эти слова можно было истолковать двояко, но 07 знала: Янь-Янь просто выражает благодарность.

— Всё, спи.

Она приглушила свет в кабинете и какое-то время смотрела на спящего Янь Чао, затем открыла панель задач. Маленькая Система подлетела к нему и легонько коснулась его лба.

«Главное, чтобы Янь-Янь был счастлив! оио»

Только в день отплытия Янь Чао узнал название яхты семьи Сун.

«Айсы».

— Слушай, — Сун Бай Сюй приподнялся на цыпочках и прошептал ему на ухо: — У моей невестки домашнее имя — Сысы. Мой брат — настоящий подкаблучник.

Янь Чао взглянул на мужчину, стоявшего неподалеку. Ему было около тридцати, чертами лица он неуловимо напоминал Сун Бай Сюя и был весьма хорош собой. В его облике чувствовалась властность и холодная уверенность человека, привыкшего повелевать, но, когда он оборачивался к женщине в красном платье, его лицо мгновенно светлело, а взгляд становился нежным до невозможности.

Солнце нещадно палило, и Янь Чао перехватил зонт:

— Кажется, у них прекрасные отношения.

— Стань поближе, а то обгоришь.

От этих слов глаза Сун Бай Сюя радостно сузились. Он с готовностью прижался к нему, прячась в тени зонта. Глядя на Янь Чао, одетого во всё черное — футболку и брюки, — он не мог не восхититься: «Брат Янь, ты совсем не боишься жары».

Янь Чао чувствовал себя нормально, но, заметив покрасневшие на солнце руки юноши, сказал:

— Как поднимемся на борт, обязательно помажь кремом.

Сун Бай Сюй послушно кивнул. Заметив краем глаза приближающуюся фигуру, он перестал улыбаться и поспешно заговорил:

— Я прихватил мятно-молочные конфеты собственного приготовления. Попробуешь?

С этими словами Сун Бай Сюй уже достал конфету, развернул фантик и поднес к губам Янь Чао. Тот бросил на него спокойный взгляд, и юноша чуть тише добавил:

— Я только что вымыл руки и протер их антисептиком. Они чистые.

Янь Чао наклонился и взял конфету с его ладони. Во рту разлилась прохладная сладость с легким молочным ароматом. Перекатывая конфету за щекой, он легонько щелкнул Сун Бай Сюя по лбу.

— В последний раз.

За этой сценой наблюдали супруги Сун Сьюй и Мин Яо, а также Сун Янь.

Мин Яо не могла сдержать восторженной улыбки:

— Бай Сюй просто мастер... Кажется, даже воздух вокруг них пропитан сахаром.

Сун Сьюй, лишенный всякого романтизма, заметил:

— Воздух сегодня пропитан только жарой.

Мин Яо закатила глаза:

— Помолчи, не мешай мне наслаждаться моментом.

«Как был непробиваемым сухарем, так и остался».

Сун Сьюй обнял жену за талию и вытер салфеткой пот с ее лба.

— Я буду только рад, если у Бай Сюя с этим молодым господином Янем всё сложится.

Кто-то радовался за них, мгновенно становясь фанатом этой пары, а кто-то в очередной раз до крови впивался ногтями в ладони от бессильной ярости.

Сун Бай Сюй не оставил без внимания то, как его дядюшка сжал кулак. Он усмехнулся про себя и еще плотнее прильнул к Янь Чао. Со стороны Сун Яня это выглядело так, будто юноша ласково прижимается к нему.

— Я только вчера узнал, что этот «посторонний» тоже будет с нами. — Сун Бай Сюй направил маленький вентилятор на Янь Чао и обиженно надул щеку. — Сун Янь едет по делам, его нельзя было не взять.

— Сам обдувайся, а то рука затечет. — Янь Чао чувствовал на себе тяжелый взгляд Сун Яня, но упорно его игнорировал. — Больше не называешь его «дядюшкой»?

Сун Бай Сюй удивленно округлил глаза:

— Брат Янь, неужели ты думал, что мы с ним ладим?

Заметив в глазах Янь Чао тень насмешки, младший господин кашлянул:

— Раньше я называл его так при тебе, чтобы казаться вежливым и послушным. На самом деле он мне не понравился с первой же встречи, а когда я узнал, что он твой бывший — возненавидел его еще сильнее.

Янь Чао хмыкнул:

— Почему же теперь перестал притворяться паинькой?

— Не могу больше, — честно признался он. — Противно до жути.

— И еще... — Сун Бай Сюй, пользуясь разницей в росте, прислонился головой к его плечу. Он положил подбородок на тыльную сторону ладони и посмотрел на Янь Чао сияющими глазами. — Что значит — «притворяться»? Разве я не паинька?

Янь Чао наклонил зонт, скрывая их от любопытных взглядов. Он повернул голову: его профиль был безупречен и строг, а лицо оставалось беспристрастным.

— Да. Ты паинька.

Три простых, коротких слова, произнесенных холодным, небрежным голосом без тени двусмысленности. Но от них кончики ушей Сун Бай Сюя мгновенно вспыхнули, а в груди

разлилось сладкое, щекочущее волнение.

Сун Бай Сюй с покрасневшими ушами пробормотал:

— ...Ты со мной заигрываешь?

— Нет, — спокойно отрезал Янь Чао, отстраняя от себя прилипшего юношу. — Стой ровно, пора на посадку.

Сун Бай Сюй: «...Ц!»

«Сначала раззадорил, а потом в кусты». Младший господин в очередной раз сделал мысленную пометку. Рано или поздно он заставит его расплатиться за это.

Вечернее море было похоже на ожившую картину: небо, окрашенное в нежные лиловые и глубокие синие тона, напоминало полотно, по которому размашисто прошли кистью. А у самого горизонта пылало заходящее солнце, разливая по волнам расплавленное золото, словно обрамляя драгоценные сапфиры сияющей каймой.

Но молодому господину Яню было не до пейзажей. В первый же день он даже не успел осмотреть яхту — едва поднявшись на борт, он был втянут в партию в маджонг, за которой провел весь остаток дня.

— Единица! — Мин Яо с триумфом раскрыла свои костяшки. — Победа!

— Как же это было непросто, — Мин Яо взглянула на свои изрядно поредевшие фишки с легкой грустью. — Наконец-то выиграла хоть в последнем раунде.

Хотя вложенное так и не окупилось.

— А-Чао, ты точно впервые играешь? — Мин Яо посмотрела на гору фишек перед Янь Чао с недоверием. — Это что, такая суперспособность всех технарей?

— Это не зависит от образования, это талант, — Сун Бай Сюй откусил кусок ледяного арбуза и довольно зажмурился. — Если бы брат Янь не поддался в последних раундах, мы бы все остались ни с чем.

— Зачем ты рубишь правду-матку? — шутливо возмутилась Мин Яо. — Бай Сюй, такие вещи нужно понимать, но не озвучивать.

Она взглянула на телефон и поднялась:

— Малыш проснулся, пойду к нему. Вечером продолжим?

— Вечером я пас, — Сун Бай Сюй, который был в прекрасных отношениях с невесткой, ответил прямо: — Вечером мы с братом Янем идем в кино, так что ищите кого-нибудь другого.

— Поняла, не буду мешать вашей романтике, — Мин Яо уже дошла до двери, но обернулась и заговорщицки добавила: — В кинотеатре есть камеры, так что не делайте ничего... слишком предосудительного.

Янь Чао и Сун Бай Сюй: «...»

— И что она обо мне думает? — Сун Бай Сюй отправил корку арбуза в урну. — Неужели я похож на человека без манер?

Он едва слышно пробормотал под нос:

— К тому же, я и без кинотеатра не могу сделать ничего «предосудительного». Пока об этом можно только мечтать.

Янь Чао, услышавший это, снова промолчал. «Мечтать не вредно».

— Пойдем ужинать, — буднично сменил тему Янь Чао. — Я проголодался.

— Идем, идем! — Сун Бай Сюй вытер руки и привычно взял Янь Чао под локоть. — Сегодня готовит шеф-повар высшего класса, мы как раз вовремя.

Ужинали они вместе с Сун Сьюем и его женой. Вся семья Сун, за исключением Сун Яня, была в сборе. Сун Бай Сюй мимоходом спросил:

— А где наш дядюшка?

— Я же говорил, на людях нужно соблюдать приличия, а дома зови его как хочешь. — Впрочем, в голосе Сун Сьюя не было строгости. При упоминании Сун Яня его тон стал суше: — Ему нездоровится, отдыхает у себя.

— Вот и славно, — Сун Бай Сюй весело отрезал кусочек стейка. — А то аппетит бы испортил.

Мин Яо прыснула со смеху. Сдвигая мужу овощи, которые сама не любила, она поддразнила:

— Кажется, наш Бай Сюй стал куда острее на язык.

Юноша проглотил кусочек мяса и одарил всех своей самой невинной улыбкой:

— С кем поведешься...

Система 07 не выдержала: [...от того и наберешься! Побыл с Янь-Янем — и тоже стал язвой].

Янь Чао, жевавший креветку, ничего не ответил. Он решил не спорить с этим маленьким светящимся шариком.

Слушая, как Мин Яо и Сун Бай Сюй увлеченно обсуждают сплетни шоу-бизнеса, Янь Чао вдруг вспомнил об одном деле. Едва эта мысль промелькнула, как он почувствовал тяжесть на своих коленях. Он лениво опустил взгляд и столкнулся с парой огромных черных глаз, похожих на спелый виноград.

Малыш, чьи пухлые щечки так и просились, чтобы их ущипнули, склонил голову и секунд десять внимательно его изучал. Затем он радостно засучил ножками и выдал:

— Тага!

Сун Сьюй выступил в роли переводчика:

— Он называет тебя братом.

— Ой, путаница с именами! — Сун Бай Сюй, внимательно следивший за каждым движением Янь Чао, поспешил поправить кроху: — Няньнянь, ты должен звать его «дядя», как и я.

Мальчик проигнорировал его, крепко обхватив Янь Чао ручонками. Его нежный лепет мог растопить любое сердце:

— Тата, на ручки!

Мин Яо виновато улыбнулась Янь Чао:

— Прости, не уследила, и он сразу к тебе... Няньнянь, не приставай к дяде Яню, ты мешаешь

ему кушать!

— Всё в порядке, — Янь Чао покачал головой и осторожно поднял готового расплакаться ребенка к себе на колени. Его голос стал тихим и ласковым: — Не плачь.

— У-у-у... — Малыш явно понял его. Чтобы подольше остаться у «Таты» на коленях, он послушно затих и устроился поудобнее, не капризничая.

— Кажется, ты ему очень понравился, — удивилась Мин Яо. — Няньнянь обычно боится незнакомых и ни к кому не идет на руки. Это первый раз, когда он так потянулся к чужому человеку. Но прости, что он мешает тебе ужинать.

— Ничего страшного, я уже почти закончил. — Янь Чао протянул руку к няне, присматривавшей за ребенком. — Дайте мне тарелку, я покормлю его.

Сун Сьюй посмотрел на своего пухлого наследника, который буквально вцепился в гостя, и поблагодарил:

— Извините за беспокойство.

Няня протянула тарелку с детским питанием, выглядя при этом весьма озадаченной. Ей казалось, что этот элегантный молодой человек совершенно не приспособлен к детям, и она не понимала, почему хозяева позволяют ему это делать. «А вдруг ребенок подавится?»

Но, к ее удивлению, Янь Чао уверенно взял ложечку и принялся терпеливо и аккуратно кормить малыша. Сун Бай Сьюй тоже не ожидал такой сноровки:

— Брат Янь, откуда ты так много знаешь о детях?

— У меня дома есть младшие.

Придерживая Няньняня одной рукой, чтобы тот не свалился, Янь Чао другой подцепил кусочек своего десерта. Увидев жадный взгляд ребенка, он серьезно произнес:

— Тебе это еще нельзя.

Малыш: «Ы-ы-ы... QAQ»

До самого конца ужина Няньнянь не желал покидать коленей Янь Чао. Он прилип к нему, словно сладкий рисовый шарик, и его невозможно было отлепить. Только когда Янь Чао удалось укачать кроху, няня смогла забрать его.

Они с Сун Бай Сюем не пошли сразу в кино. Вместо этого они вышли на палубу, подставив лица морскому бризу, и заговорили о пустяках. Янь Чао объяснил, что он старший брат в семье, и все младшие с детства ходили за ним по пятам, вечно ссорясь и дерясь за его внимание.

При воспоминании об этом Янь Чао устало потер переносицу:

— Сейчас мало что изменилось, разве что драться перестали.

Каждый праздник для Янь Чао превращался в настоящее поле битвы за его внимание между братьями и сестрами.

— Видимо, у тебя талант ладить с детьми, и младшие тебя просто обожают, — Сун Бай Сюй облокотился на поручни и с улыбкой посмотрел на друга. — Когда ты успокаивал Няньняня, я подумал... Если когда-нибудь ты согласишься поехать со мной к моим родным на праздник, наши дети тебя просто затискают.

— Они обязательно полюбят тебя так же сильно, как и я. — Заметив ироничный взгляд Янь Чао, юноша поспешно добавил: — Правда, я не шучу. И я думаю, не только дети, но и все остальные будут от тебя в восторге.

— Мой двоюродный брат сегодня видел тебя впервые. Он человек холодный и сдержанный, но я вижу, что ты ему понравился. После ужина он уже звал тебя «А-Чао», а я не помню, чтобы он так быстро сближался с кем-то из ровесников.

Сун Бай Сюй принялся загибать пальцы:

— А мой отец? Он тебя еще в глаза не видел, только проект читал, а уже рассыпается в похвалах. Про маму я вообще молчу, она уже сейчас готова затащить тебя к нам домой.

— Ах да, моя мама — страшная ценительница красоты. — Вспомнив что-то забавное, он рассмеялся, и его глаза превратились в два полумесяца. — Перед нашим знакомством она с таким сожалением сказала, что если бы я был девочкой, у нас родились бы удивительно красивые дети. Она бы с гордостью гуляла с такими внуками.

Сун Бай Сюй тоже вздохнул с легким сожалением:

— Жаль, что я не могу родить.

Янь Чао: «...»

«Ты что, серьезно об этом думал?»

Глядя на его сияющее, полное искренней радости лицо, Янь Чао невольно улыбнулся.

— Ты так счастлив?

— М-м? — Сун Бай Сюй склонил голову набок.

— Тебя так радует, что я нравлюсь твоим близким? — Янь Чао посмотрел в эти искрящиеся глаза. — Ты так улыбаешься, что глаз почти не видно.

— У меня очень большие глаза! — притворно возмутился юноша, но тут же снова расплылся в улыбке. — Конечно, я счастлив. Когда человек, которого я люблю, находит признание у тех, кто мне дорог — это чудесно.

«Об этом даже думать приятно».

— Хотя мы еще официально не вместе, я уже сотню раз представлял, как привожу тебя в наш дом. — Сун Бай Сюй оторвался от поручней и развернулся к морю спиной. — У нас большая семья, много стариков и детей. Но ты не бойся, тебя никто не обидит. Тебя завалят подарками и красными конвертами, все будут тебе рады.

Он гордо вскинул голову, и в его голосе прозвучала собственническая нежность:

— И конечно... я всё равно буду любить тебя больше всех. В целом мире не найдется никого, кто любил бы тебя сильнее, чем я.

Янь Чао почувствовал странный порыв — ему захотелось протянуть руку и пригладить его волосы, растрепанные вольным морским ветром.

— Мы ведь еще даже не начали встречаться, — Сун Бай Сюй первым взял его за руку, внимательно следя за реакцией. — А я уже мечтаю о том, как познакомлю тебя с родителями. Не слишком ли я жадный, брат Янь?

Ему просто очень хотелось, чтобы у него и Янь Чао было общее будущее.

— Есть немного, — Янь Чао не стал отнимать руку, позволив юноше переплести их пальцы, и крепко сжал его ладонь в ответ. — Но мечтать можно.

— Приложи усилия, и это станет реальностью.